

ПРЕСС, ЖМЫХ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Можно с подозрением относиться к некоторым устоявшимся вещам, связанным с возвращением интереса к воспроизводству оппозиций. Например, искусство - не искусство, социальное – не социальное, политическое – аполитическое, которые связаны с отражением и реакцией, с отношениями между эстетикой и политикой, рынком и товарной культурой. Нет нужды отвечать на вопрос связана ли эротика и порнография, изобразительное искусство, новые масс-медийные языки и вся репрезентированная визуальная современность с политикой и экономикой.

Сегодня нас преследуют следующие вопросы:

Может ли производитель художественной продукции представить себя вне рынка, запертым в башне из слоновой кости?

Насколько актуальна для искусства Узбекистана включённость эстетики и искусства в политику, и наоборот - политики в эстетику и искусство?

Какое значение имеет политическая субъективация на уровне социальных отношений и актуальна ли взаимная отчужденность политики, эстетики и искусства?

Насколько актуально для искусства политическое значение?

Проблема, связанная с интересом к оппозициям, коренится в состоянии гражданского общества, в его понимании роли эстетики и искусства в общественной, в политической жизни, в производстве посредством социальных процессов чисто субъективированных конструкторов, в том числе эстетических и художественных.

Множество в своей непохожести процессов и практик, включая критические дискурсы, формируют среду с условиями для переосмысления отношений между измерениями и форматами политики с одной стороны, искусства и эстетики - с другой, подчеркивая, что вопрос о критическом значении будет связан именно с историческим современным, которое каждый раз уникальное и в последующий момент не подлежит стиранию, но обновляется именно с помощью художественного выражения и художественно-критического дискурса, предполагая наличие творческого воображения в поиске современности.

С другой стороны, производство художественной продукции, товара, неразрывно связано с условиями товаризации культуры и расширенного воспроизводства, с человеческим трудом в условиях накопления капитала, с формами стоимости, в том числе, спекулятивными, с высокими технологиями, свободой апроприации, формами повторения, с расширением воспроизводства, с тиражированием продукции. Благодаря неразрывной связи с товарно-денежным

производством, даже художественно-критический дискурс на темы социальной эмансипации и политики сопротивления капиталу, превращается в товар, который успешно реализуется на глобальном транснациональном рынке искусства.

Реальность указывает на вещи, которые по разным причинам не все замечают – давления осязаемого, искусственно созданного пресса. В крайнем случае, проявляется амбициозное недоверие к достоверности. Казалось, что почти невозможно обнаружить усилие и способность уличить самого себя в недостатке воли к сопротивлению от удушения прессом социально-политического надзора. Однако концентрация присутствия последнего указывает на отсутствие веры в существование современности, на политику превентивного контроля и отчуждение художника от неё. Напротив, властвует великая вера в материальное присутствие привычного прошлого, существующее в виде свидетельств, преданий, мифов, признания традиций, ритуалов. Максимум, что можно предположить по этому поводу, – исчезновение всякой логики от недостаточной жизненной и интеллектуальной устойчивости, в итоге подразумевая враждебное, без политических тонов, отношение к современности как к несостоятельному, лишенному особой семантики вульгарному пространству, в котором, в рамках академической традиции, нет места «особым» творческим задачам, стоящим перед художником.

Таким образом, концепция современности с её нормативным характером и практиками с трудом находит себе место в искусстве Узбекистана, не становясь предметом исследования осознания новой ситуации, оставаясь не включенной в обучающие программы профильных учебных заведений.

Форматирование, сжатие человеческих масс, как и индивидуума, с помощью социально-политического пресса не новая страница идеологии. Но мы пока не в состоянии признать собственное поражение, придавая своему почти безвыходному положению спекулятивную видимость тактического отступления. В конце концов мы становимся пустой оболочкой, шелухой, в лучшем случае жмыхом из того, что когда-то существовало как единичное, оригинальное, но впоследствии выжатого с помощью пресса с его стратегией тотального надзора и различными способами контроля, управления, который мы создали своими же силами, – пресса, который становится неотъемлемой частью современного социального порядка, но подверженного ударам критических рефлексивных социальных практик, в том числе с помощью художественно-критического дискурса современного искусства.

Вячеслав Ахунов, художник и куратор галереи ZERO LINE gallery